

**«...человек таланта большого, а души низкой»:
Е. Салиас де Турнемир о Л. Толстом**

Е.Н. Строганова

Аннотация: В статье анализируются литературно-критические и неизвестные эпистолярные отзывы Е.В. Салиас де Турнемир (Е. Тур) о Л.Н. Толстом. Показано, что писательница высоко оценивала художественное мастерство Толстого, но негативно воспринимала его как личность. По письмам Е.В. Салиас устанавливается не отмеченный в толстоведении факт личного знакомства писателей.

Ключевые слова: Е.В. Салиас де Турнемир, Л. Н. Толстой, литературная репутация, эпистолярные суждения, художественный талант, негативная оценка личности.

Информация об авторе: Евгения Нахимовна Строганова, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Тверь/Москва, Россия. E-mail: enstroganova@yandex.ru

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина (1815–1892), прозаик, критик, публицистка, получила признание под псевдонимом Евгения Тур¹. Свою литературную деятельность Салиас начала с переводов, но уже в 1849 г. дебютировала как оригинальный автор повестью «Ошибка». В 1850-х гг. она активно публиковала прозу, однако впоследствии больше занималась публицистикой и критикой. Салиас стала первой женщиной-издательни-

¹ Семья Сухово-Кобылиных известна в истории русской культуры: средняя сестра писательницы Софья Васильевна была талантливой художницей, брат Александр Васильевич прославился как драматург, сын – Евгений Андреевич Салиас – стал известным историческим романистом. Писательницей стала и внучка Е.В. Салиас Евдокия Евгеньевна, в замужестве Урусова (1882–1939). Ее муж, кн. Ю.Д. Урусов, был расстрелян в 1937 г., сама она сослана в Киргизию, где и умерла. Продолжая семейную традицию, пользовалась псевдонимом Евдокия Тур. Ее дочь Евдокия Юрьевна, в замужестве Унковская (1908–1986), была народной артисткой РСФСР и получила известность как Эда Урусова.

цей¹; в ее журнале «Русская речь» (1861–1862) начинали свой путь Н.С. Лесков, А.С. Суворин, В.А. Слепцов, А.И. Левитов. Со второй половине 1860-х гг. особую известность Е. Тур получила как детская писательница. Необычайную популярность ее детских произведений подчеркивали современники, считавшие, что имя писательницы «сделалось дорогим, точно родным, для наших школ и для каждой образованной русской семьи...»².

По роду своей деятельности Салиас поддерживала знакомство со многими литераторами. В 1850-х гг. в ее московском салоне бывали С.П. Шевырев, Н.В. Сушков, П.Н. Кудрявцев, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, М.Н. Катков, Е.П. Ростопчина, Н.Ф. Щербина и др. Вполне вероятно, что и Л.Н. Толстой, но до настоящего времени знакомство с ним не было подтверждено документально. В толстовских материалах нет очевидных свидетельств о личных встречах с Салиас. Косвенным доказательством, что такие встречи могли иметь место, служит тот факт, что в начале 1850-х гг. Толстой и А. Сухово-Кобылин встречались в гимнастическом зале и между ними даже существовало некое соперничество. «Хотел Кобылину дать о себе настоящее мнение...» — записал Толстой в дневнике 7 марта 1851 г.³ Но дружеской приязни между ними не существовало⁴, и домашнего знакомства предполагать не приходится. Да и отношения Салиас с братом в этот период были достаточно напряженными⁵.

Однако дневники и переписка Толстого свидетельствуют, что он был знаком с творчеством писательницы. 18 октября 1852 г. Толстой заметил по поводу ее романа «Племянница»: «Очень хорошо» [Толстой, т. 46, с. 145]. Первая часть романа была напечатана в 1850 г. в «Современнике», но полностью он вышел в 1851 г., и Толстой, скорее всего, читал роман в отдельном издании. Много лет спустя, 6 марта 1884 г., он оставил в дневнике похвальный отзыв об очерке Салиас, посвященном П.Н. Кудрявцеву, с которым она была дружна: «Вечер читал Сальяс о

¹ В первой половине XIX в. женщины издавали только детские журналы и альманахи.

² Языков Д. Литературная деятельность графини Е.В. Сальяс (Евгении Тур). Письмо к редакторам // Исторический вестник. 1892. Т. XLVIII. № 5. С. 492.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбилейное изд. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 46. С. 48. Далее ссылки даются в тексте: [Толстой, том, стр.].

⁴ Дело Сухово-Кобылина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 486 (примеч. В.М. Селезнева).

⁵ См.: Стrogанова Е.Н. «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?». К биографии Е. Салиас де Турнемир // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 226–228.

Кудрявцеве – прекрасно» [Толстой, т. 49, с. 64]. Наконец, Толстой знал повесть Салиас о первых временах христианства «Катакомбы» – свободное переложение романа Николаса Уайзмана «Фабиола» (1854). Повесть Салиас вышла первым изданием в 1866 г., была чрезвычайно популярна и выдержала множество переизданий. Надо полагать, что не без одобрения Толстого «Катакомбы» были адаптированы для народного чтения и в 1886 г. изданы в «Посреднике» под названием «Фабиола, или Древние христиане» [Толстой, т. 85, с. 188–189].

Другие отзывы Толстого о творчестве Салиас неизвестны, не оставил он и каких-либо обобщающих суждений, но его отношение к отдельным ее произведениям было, как видим, вполне позитивным.

В свою очередь тексты Салиас дают концептуальный взгляд на Толстого. Известно, что она была автором критической статьи о повести «Казачи», в которой приветствовала поэтическое мастерство автора: «...это целая картина, нарисованная рукою мастера, колорит которого поразительно ярок и вместе верен природе [...] все просто, незамысловато – но сколько поэзии и оригинальности в этой простоте! Это – сама жизнь с ее неуловимой прелестию...»¹. Повесть Толстого она представила в широком литературном контексте, вспоминая произведения Шатобриана, Руссо, Дюма-отца, Бестужева-Марлинского, Дениса Давыдова, Гюго, Купера. В своем разборе Салиас касается образов Марьянки, Лукашки и Ерошки, но в центре – фигура Оленина. И здесь настроение критика и шкала оценок изменяются. Образ протагониста интересует Салиас прежде всего «со стороны высшей нравственности» (с. 275), на художественную состоятельность произведения она как будто не посягает. Но на деле оказывается, что принятый ею подход ставит под сомнение и художественную убедительность текста. Согласно Салиас, фигура Оленина, характер которого «угадывается с первых строк» (с. 247), противоречит жизненной правде. В характеристиках этого персонажа, в его мыслях и поступках она постоянно обнаруживает противоречия, например, пишет: «Как ему было разочароваться? Чтобы разочароваться, надо носить идеал в душе своей, надо стремиться к чему-нибудь!» (с. 246). По ее мнению, у толстовского героя такого идеала нет, стало быть, и разочаровываться ему не в чем. Неоднократно встречаются упреки в «нелогичности» изображения Оленина (с. 259, 260). Такого рода замечания были вызваны тем, что критик не приняла специфику тол-

¹ Тур *Евгения*. Казачи. Кавказская повесть 1852 г. гр. Л.Н. Толстого // Отечественные записки. 1863. № 6. С. 243. Далее ссылки на эту статью даются в тексте с указ. стр.

стовского психологизма, не увидела главный нерв его творчества — интерес к изображению противоречивости внутренней жизни человека, то, что мы хрестоматийно, вслед за Чернышевским, называем «диалектикой души». В интерпретации Салиас Оленин настолько примитивен, что даже не приходится предполагать в нем какой-то внутренней работы. И она упрекает автора за его симпатии к герою, в желании «выставить его в хорошем, розовом и поэтически-обольстительном свете» (с. 247).

Одной из характеристик Оленина в устах критика становится метафора *грязный* в ряду *жалкий, пустой, мелкий* (с. 259). Для нее Оленин — лишь «грязный представитель полуобразования» (с. 267), который и прежде и теперь, на Кавказе, живет «жизнью животного» (с. 260), и любовь к Марьяне — лишь проявление его животности. Обратим внимание на эти характеристики, потому что позже еще вернемся к ним.

По-своему интерпретировала Салиас и пафос повести, в которой видела поэтизацию пьянства и разбоя: «Перед вами поэма, где воспеты не с дюжинным, а с действительным талантом отвага, удаль, жажда крови и добычи, охота за людьми, бессердечность и беспощадность дикаря-зверя» (с. 266–267). Ее общее суждение об авторе «Казаков» звучит как приговор: «...и в эстетическом, и в нравственном отношении ему недостает высшего полету, благороднейших стремлений» (с. 275).

Это представление Салиас о Толстом как о писателе большого таланта, но ложного направления сохранилось и в дальнейшем. В Тверском государственном объединенном музее находится фонд семьи генерал-фельдмаршала И.В. Гурко, который был женат на дочери Салиас Марии Андреевне. В этом фонде содержатся письма Салиас к дочери и членам ее семьи, в которых находим суждения о Толстом. Один из отзывов носит вполне нейтральный характер: «...читать Толстого хотя и приятно, но не образовательно», — писала она 5 декабря 1885 г. жене своего старшего внука Владимира Гурко¹.

В письмах же, адресованных дочери, Салиас откровенно и резко отзывался о поздних произведениях Толстого, противопоставляя его *романы и сочинения*, т.е. разделяя художника и мыслителя. Понятие *сочинения* как таковое не конкретизируется, но вполне очевидно, что подразумевается толстовская публицистика.

Толстому уделено значительное место в письмах от 2 марта 1885 г. и 20 апреля 1890 г., где осуждаются его религиозно-философские

¹ Научный архив Тверского гос. объединенного музея (НА ТГОМ). Ф. 1. Оп. 1. Связка 9. Ед. хр. 77. Л. 84. Далее ссылки на эту единицу хранения приводятся в тексте: НА ТГОМ, с указ. листа.

взгляды и социально-этические идеи. Высказывания Салиас чрезвычайно эмоциональны по тону и лексике, графически это усиливается восклицательными знаками и подчеркиваниями.

В 1885 г. Салиас сообщала: «...у нас здесь пример гордости и надменности [...] граф Толстой, написавший какую-то бездарную гадость и величающийся, как бы подвигом. Он сбивает людей с пути и кичится — на этом спросится еще больше, чем с других. Он же зарыл свой талант, и напротив того употребил его на всякое зло. Теперь издает: Мое!!! Евангелие. На месте Государя я бы велела все его измышления сжечь, особенно такие, где он доказывает, что благотворение пустяки и что он не принес его домой. Вправду, когда я читала это, я сказала себе: “Какой бесчувственный скот!” А я всякий день убеждена, что недовольно денег, чтобы помочь тому и этому. Голодные и холодные на всяком шагу, и как это умирать мы будем, зная, как столько на прихоти свои истратила (sic), или не достало у нас денег отдать голодным и холодным детям малым» [НА ТГОМ, л. 28 об.].

Буквально такого сочинения у Толстого нет. Речь, конечно, идет о трактате «В чем моя вера?»¹. Судя по тексту письма, Салиас трактат не читала, но ей известен основной пафос сочинений Толстого. И она пользуется слухами, которые согласуются с ее собственным мнением, отсюда безапелляционная характеристика — «бездарная гадость». Те мысли, которые стремится донести до читателей Толстой, абсолютно чужды Салиас. В частных письмах писательница подчас очень критично высказывалась о существующем порядке вещей и о людях, возглавлявших социальные институты, но глобальное толстовское отрицание она, разумеется, принять не могла, как не могла принять и его религиозных толкований.

Сочинениям Толстого Салиас противопоставляет свою книгу для детей «Священная история», которую позиционирует как своего рода противоядие: «Многое, что написано, не было бы написано прежде, но теперь я вижу, куда ведут государство люди без самых *строгих правил*». Она полагает, что в современной ситуации «шатания, нравственной смуты» «сочинения-измышления гр. Толстого» являют собой род «авторитетной чепухи и сумбура», и называет их «сущим обществен-

¹ Работу над трактатом Толстой закончил в январе 1884 г., в том же году он был напечатан, но духовная цензура запретила его распространение. Тираж, однако, не был уничтожен, а разошелся по разным значительным лицам, пожелавшим прочитать новое сочинение Толстого, т.е. остался в частных библиотеках. Среди более массового читателя трактат циркулировал в списках [Толстой, т. 23, с. 552–553; коммент. Н.Н. Гусева].

ным ядом», т.е. утверждает, что они несут социальную опасность [НА ТГОМ, л. 26 об.–27].

Еще более гневную реакцию Салиас вызвала «Крейцера соната», которой посвящено письмо 1890 года. С повестью Толстого она, как и многие другие современники, познакомилась в списке¹. Это письмо начинается с фразы, свидетельствующей, что ему предшествовали более ранние разговоры с дочерью об этом произведении.

Я прочла Крейцеровую. Это верх всякого невежества, татарства – армейщины при Н.[иколае] П.[авловиче], низости и скотства. Чтобы сказали мои, высокой души, друзья, Гранов[ский] и Кудр[явцев], если бы дожили до такого безобразно-грубого и пошло-омерзительного явления. Я всегда, глядя на лице и физиономию Толстого думала: “А души в нем нет! Глаза грязные, рот, трепещущий от себялюбия, всё выражение лица весьма пошлое, хотя умное, ничего светлого, ничего ясного в лице нет, а грязного много”. Так думала я и себя в этих думах упрекала: “Вот я какая сама дурная! Вижу только нехорошее, и благорасположения во мне нет. Он просто дурен лицом. Мало ли кто дурен? Это не есть знак грязи и пошлости». Так я с собою рассуждала, но упорно держалось во мне впечатление, что этот человек таланта большого, а души низкой. Теперь я с собою помирилась и умру зная, убежденная, что сей великий писатель, таланта себе равного в Европе не имеющего (sic), есть не более, как скот на 4 ногах, животное грязь любящее и в грязи валяющееся и отдаст он ответ Богу. Дан ему талант великий, а он его употребляет на оскотинение молодежи, на заражение ее самыми пошлыми, низкими, подлыми понятиями. Ужасно! И многие читают и находят, что, конечно, это гадко, но есть будто бы оригинальные мысли. Ни единой! Это соединение, уродливое, армейщины Николаевской с татарщиной и зверскими влечениями, без узды и без стыда, а с какою-то нахальной похвальбой и возвеличением животных страстностей и взрывов как законных! Ужасная мерзость! Меня тошнит нравственно и физически. Никогда я не пожму руки такого животного. Отравитель юношества, огонь таланта, Божественную искру употребляющий на то, чтобы не светильник зажечь его, а кучу навозу и нечистот – и дымится всё это и смрад и дышать невозможно, и дурманит это [1 сл. нрзб.] глупых, слишком молодых или по природе уже склон-

¹ С.А. Толстая получила разрешение на печатание лишь в апреле 1891 г., и то только в составе собрания сочинений. Восьмая редакция уже с ноября 1889 г. распространялась в списках, сначала рукописных, потом литографированных и гектографированных [Толстой, т. 27, с. 596, 588–590; коммент. Н.К. Гудзия].

ных к пошлости и низости. Отведу глаза мои, заткну уши мои, язык мой к гортани прилеплю, чтобы не слышать, не говорить, не глядеть на такие возмутительные, богопротивные и людям погибельные речи, писания и волнения. Удаюсь в мой угол, где люди живут простые и часто довольствуются винтом одним. Оно лучше, чем читать и хвалить такие постыдные, безнравственные, под маской напускной добродетели, произведения. Дети 17 лет читают и учатся презирать сестер и матерей. Негодяй! Подлый себялюбец, достойный всякого презрения!

[НА ТГОМ, л. 533–536]

Можно было бы просто констатировать, что письмо Салиас вплетается в ряд других негативных отзывов о «Крейцеровой сонате», которых было немало. Но думаю, что некоторые комментарии необходимы. Во-первых, надо понять, какую редакцию повести она могла читать. По последней реплике – о том, что Толстой дискредитировал сестер и матерей в глазах их юных родственников мужского пола, можно предположить, что восьмую, предпоследнюю, которая, как известно, широко распространилась еще до окончательного завершения работы Толстого над текстом. В главе XIV кроме резкого суждения Позднышева о том, что воспитание девушек направлено на оболщание мужчин, были и рассуждения о страданиях девушек «от возбуждения чувственности» и ее проявлении в присутствии мужчин [Толстой, т. 27, с. 586]. В той же редакции в главе XVI Толстой писал об отсутствии у матерей духовной любви к своим детям и пространно сравнивал любовь к детям у женщин и животных [Толстой, т. 27, с. 586].

Во-вторых, совершенно очевидно, что Салиас оценивает повесть с гендерных позиций, протестуя против маскулинного, даже brutального взгляда, который, по ее мнению, присутствует в повести. Показательны два ряда повторяющихся характеристик: «верх всякого невежества, татарства – армейщины при Н.[иколае] П.[авловиче], низости и скотства» и «соединение, уродливое, армейщины николаевской с татарщиной и зверскими влечениями». Салиас говорит с позиций женщины, оскорбленной тем, что в повести Толстого женщина представлена как объект, опредмечена мужским взглядом, по сути, обезличена. Вспомним реакцию С.А. Толстой. Ее повесть «Чья вина?» была ответом не жены только, но оболганной женщины, которая сама решила рассказать правду о себе. И Салиас, говоря о «Крейцеровой сонате», по сути, возмущена отсутствием в повести женщины как субъекта, как личности.

Заметим, что сам Толстой уже вскоре после окончания работы над повестью не хотел ее публикации. 15 апреля 1891 г. он писал

В.Г. Черткову, что «вовсе не рад» разрешению, полученному от императора: «А что-нибудь скверное б[ыло] в Кр[ейцеровой] Сон[ате]. Она мне страшно опротивела, всякое воспоминание о ней. Что-нибудь б[ыло] дурное в мотивах, руководивших мною при писании ея, такую злобу она вызвала. Я даже вижу это дурное» [Толстой, т. 87, с. 83]. Разумеется, взгляд автора и позиция критика – это совершенно разные вещи, но показательны определения *скверное*, *дурное*, которые использовал Толстой.

Возвращаясь к вопросу о знакомстве Салиас и Толстого, можно сказать, что письмо о «Крейцеровой сонате» служит документальным подтверждением того, что они были знакомы. На это вполне определенно указывает словесный портрет Толстого, выполненный по памяти, но, можно сказать, с натуры. Салиас явно пишет о человеке, которого ей лично приходилось встречать. Эти встречи относятся к 1850-м гг. Основанием для такого утверждения служит акцент на «некрасивости» Толстого. Вопрос о своей внешней непривлекательности был очень болезненным для Толстого в молодые годы. Позже такой проблемы уже не существовало, не только потому, что он перестал рефлексировать по этому поводу, но и потому, что изменился внешне, обрел свое лицо. Вероятно, и впечатление Салиас относится к раннему периоду жизни Толстого. Скорее всего, они встречались в середине 1850-х гг. в Москве, и, скорее всего – в доме Николая Васильевича Сушкова, с которым каждый из них поддерживал отношения. В 1856–1858 гг. Толстой особенно часто посещал Сушковых, что было связано с увлечением их племянницей Екатериной Федоровной Тютчевой. Впоследствии он вспоминал: «В Москве был такой дом Сушковых. Я там часто бывал. Там собиралось интересное общество»¹. В дневнике Толстого есть непрокомментированная запись от 18 октября 1857 г.: «...вечер был у Сушк[овой] и у Сух[аревой] Башни. Ни та, ни другая мне не нравятся» [Толстой, т. 47, с. 160]. Предложенное публикаторами прочтение – «Сушковой» – представляется неточным, так как Толстой никогда не упоминает имя Дарьи Ивановны Сушковой отдельно от имени ее мужа, и это предполагает написание фамилии во множественном числе, что подразумевает «дом Сушковых». В таком случае первая из тех, кто «не нравится» Толстому, – Е.Ф. Тютчева, по поводу своего отношения к которой он постоянно рефлексировал (как, впрочем, и по поводу отношения к другим женщинам). Другая же, названная по месту проживания «у Сухаревой Башни», могла иносказательно озна-

¹ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет). М.; Пг.: Центральное тов-во «Кооперативное изд-во», 1923. Т. II. С. 114.

чать Е.В. Салиас, дом которой находился «около Сухаревой башни, в 3-й Мещанской, почти на углу площади»¹. Если это так, то вполне очевидно, что Толстой посещал Салиас, но не испытывал к ней симпатии. Их знакомство, подтверждаемое письмом Салиас, носило поверхностный характер и ни в те годы, ни позже не переросло в общение.

Выскажу также предположение, что негативное личное впечатление о Толстом, которое Салиас, судя по письму, всегда пыталась подавить в себе, отразилось в ее статье о «Казаках» — в характеристике нравственной личности Оленина. Понятия *грязный*, *животность*, которые в письме о «Крейцеровой сонате» она использует по отношению к Толстому, были гораздо раньше вербализованы ею в разговоре о «Казаках».

Литература

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет). М.; Пг.: Центральное тов-во «Кооперативное изд-во», 1923. Т. II. 396 с.

Дело Сухово-Кобылина / Сост., подгот. текста В.М. Селезнев, Е.О. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.

Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологич. расшифровка Н. Роскиной; подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой. London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. 670 с.

Салиас Е.А. Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. Т. LXXI. № 1. С. 88–120, № 2. С. 485–513, № 3. С. 828–856.

Строганова Е.Н. «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?». К биографии Е. Салиас де Турнемир // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 217–244.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИЗ, ГИХЛ, 1928–1959.

Тур Евгения. Казаки. Кавказская повесть 1852 г. гр. Л.Н. Толстого // Отечественные записки. 1863. № 6. С. 242–279.

Языков Д. Литературная деятельность графини Е.В. Сальяс (Евгении Тур). Письмо к редакторам // Исторический вестник. 1892. Т. XLVIII. № 5. С. 485–493.

References

Goldeneveizer A.B. *Vblizi Tolstogo (Zapisi za pyatnadtsat' let)*. [Near Tolstoy (fifteen years of records)]. Moscow; Petrograd: Tsentral'noe tov-vo "Kooperativnoe izd-vo" Publ., 1923. Vol. II. 396 p. (In Russ.)

¹ *Салиас Е.А.* Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1898. Т. LXXI. № 1. С. 91. В начале 1860-х гг. Салиас жила уже на Большой Садовой, возле церкви св. Ермолая, что на Козьем болоте [см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. С. 208–209], но когда она туда переехала, неизвестно.

Delo Sukhovo-Kobyлина [Sukhovo-Kobylin Case]. Sost., podgot. teksta V.M. Seleznev, E.O. Selezneva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 544 p. (In Russ.)

Dnevnik Alekseia Sergeevicha Suvorina. [Alexey Sergeevich Suvorin's Diary]. Eds. N. Roskina, D. Reifild, O. Makarova. L.: The Garnett Press; Moscow: Izd-vo Nezavisimaia gazeta Publ., 2000. 670 p. (In Russ.)

Salias E.A. "Sem' arestov (Iz vospominanii)" [Seven arrests (From the memoirs)]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 1898, t. LXXI, no 1, pp. 88–120, no 2, pp. 485–513, no 3, pp. 828–856. (In Russ.)

Stroganova E.N. "«Chto-to strannoe so mnoiu. Zachem rodilas'? Zachem liubila? Zachem zhivu?». K biografii E. Salias de Turnemir" ["Something strange to me. What was I born for? Why did I love? What do I live for?"]. For biographies E. Salias de Tournemire]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2015, no 2, pp. 217–244. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.*: v 90 t. [Complete Works: in 90 vols.]. Moscow, GIZ, GIKhL Publ., 1928–1959. (In Russ.)

Tur Evgeniia. "Kazaki. Kavkazskaia povest' 1852 g. gr. L.N. Tolstogo" [Cossacks. Caucasian novel 1852 Count LN Tolstoy]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1863, no 6, pp. 242–279. (In Russ.)

Iazykov D. "Literaturnaya deiatel'nost' grafini E.V. Sal'ias (Evgenii Tur). Pis'mo k redaktoram" [Literary activity of Countess E.V. Salyas (Eugenia Tour). Letters to the Editor]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 1892, t. XLVIII, no 5, pp. 485–493. (In Russ.)

"...a Man of Great Talent but Mean-spirited":

Elizaveta Salias de Tournemire on Leo Tolstoy

Evgenia Stroganova

Abstract: The purpose of this paper is the analysis of literary critical including unknown ones epistolary comments of Elizaveta Salias De Tournemire (E. Tur) on Leo Tolstoy. It shows that the authoress highly appreciated Tolstoy's pencraft and talent for writing, but had a bias against him as a person. In the letters of Elizaveta Salias De Tournemire there is an evidence of her acquaintance with the writer which had not been known before.

Keywords: Elizaveta Salias De Tournemire, Leo Tolstoy, relationship, epistolary comments, writer's talent, negative personal attitude.

Information about the author: Stroganova Evgenia Nakhimovna, Doctor Hab. of Philology, Professor at Kosygin Russian State University Tver'/Moscow, Russia. E-mail: enstroganova@yandex.ru